

СЕРГЕЙ ЛЕЙБГРАД

1998 №1 (31)

Бессмертная душа мерцает, как медуза.
Весь пригород - сплошной ударный домострой.
Лирический герой Советского Союза
не юноша уже, но все еще герой.

Он пьет по пустякам, он тварью льнет дрожащей
к ближайшему чулку и вкрадчивым губам,
он черные глаза, как хищный зверь, таращит
и припадает в снах к отеческим горбам.

Синдром, постмодернизм, стрептодермия, дура,
осенний лист дрожит, как мелкая купюра,
осенняя пора не спаще топора.
Но детство - это Рим, любовь и физкультура,
и садомазохизм с гитарой у костра.

Жизнь слишком хороша - всех красок светофора,
всех страхов и страстей домашнего террора,
деффектов речевых, намеков и молвы -
бессмертная душа, чугунная Аврора,
не вынесет в слезах, не воплотит, увы...

* * *
Сидел и улыбался собственным мыслям.
Неужели это про меня?

* * *
Мир запнулся и зреень размыл,
словно сделал себе харакири.
Красной капелькой в темной квартире
телевизор застыл.

Но внезапно услышу шаги,
безотчетно промолвлю: свобода...
Я еще возвращусь на круги
своего одичавшего рода.

* * *
Умер от скромности.
Самолюбивый был человек.

* * *
Когда уснешь - спи эдак и спи так,
и я уснул в ознобе, как Спитак,
смузаясь от бес tactности сравненья
до спазма телефонного звонка
под яблоней ночного освещенья,
под белой простынею потолка.

Я нежно возвышался над толпой,
пощечина - для нищего пощада,
и звук ее небесный и тупой,
как голос ясновидящей из чада
экранного. На улице халва,
сопливый прах разрушенных строений.
Опережая запахи, трава
сочилась на потребу поколений.
Пародия, до коликов смешно,
по родине слонялся на учебном
автомobile, в смерти решено -
я буду асом; в очередь за хлебом,
который опускается в вино
и потому становится целебным,
я подоспею, мне ли все равно.
Как руки за спину, как окно,
перечеркнули зрение лучами,
лучано паваротти, за плечами
твое лицо в обнимку со свечами
бенгальскими, проталина, пятно,
дежурный сон, удержанный словами
печатными, дешевый карнавал.
И горизонт, возникший между нами,
как черный рак, в пространство отступал.

* * *
Мне исполнилось 36 лет.
И сердце на клочки не разорвалось.

* * *
Гирлянда вдоль стенки мигает пунктирно.
Надеясь заснуть, повторяю настырно:
Россия - Россини, Расин - керосин,
сенат - Россинант... Как отзывчив всемирно
язык доморошенных терпких осин,
берез, терпсихор, мельпомен и пельменных,
где клубы ночные клубятся в ночи.
Мне зябко от метеосводок военных,
грачи улетели. Куда ж вы, грачи?
- Из лесу вестимо.

Оглохшие птицы
стучат по железным глухим проводам.
Что делать, когда безусловно не спится?..

Гадать по ладоням, читать по губам,
судить по цитатам, и по оговоркам
любить даже ту, даже ту, что права
всегда, потому что не знает как горько,
как просто твердить, задыхаясь, слова:
Расин - керосин. Не воронежским бредом,
не глоткой осипшей, не в честь и не следом
за вкрадчивой речью, за мраком речей,
а мышцей сердечной, безмозглой, ничьей.

ИЗ "ПЕСЕН БЕЗУМНЫХ"

9.

Авель, где кокаин?..

10.

Забываю в машине прогорклой,
прислоняясь к обшарпанной дверце,
и огонь, леденящий мне сердце,
и мороз, обжигающий горло.

11.

И печенег, и гордый иудей,
и черный снег, и шприц от колумбийца,
и печени застенчивой моей
лесной коньк-убийца.

Танчу Чиллер, два курда из Танзании,
отвергнутая в третьем чтены дочь.
А в разворованном сознании
милиция дежурит день и ночь...

12.

Инвесторы и трансвеститы...

13.

Все не так плохо, все не так плохо.
Все не так плохо, как на самом деле.

14.

Только песня грустная, как сон,
про меньшинства трогает до слез:
Катится, катится голубых вагон
под откос.

Aх, мальчишечка рябая,
хоть роди, а хоть убей,
голубая, голубая,
не бывает голубей
чистоплотных. Мать святая,
Пересвет мой Челубей,
Кочубей...

15.

Ну куда мне идти,
без пяти, без пути?..

16.

(Абиссиния небо синяя)

17.

Вы скажите, есть ли кофе?
"Есть ли кофе?" - говорят.

18.

Вот родимая ваша сторонка,
черный юмор и чистая ложь.
Ты смеешься так звонко, так звонко,
Неужели ты тоже умрешь?

19.

Хед-енд-Шолдерс, что ты вьешься
над моей головой?..

20.

Нежней, нежней, чем сад
вишневый, не для выгод
сжимаю снегопад
в подушках детских рук.

21.

Дела пошли на блат,
а я пошел на выход
любимое лицо воспринимать как звук.

Внезапно расстроишься или опомнишься вдруг.
Забудешь про все: про нее, про себя, про него.
На бархате перхоть, на бархате перхоть, мой друг,
И это печальней, и это печальней всего...